

Милан ЕСИХ

СОНЕТЫ

* * *

Весь день я жил. Проверил утром рано,
что написал вчера. Умерил страсти
(большую «С» убрал из слова «счастье»),
потом бродил по улицам Любляны.

На барышень, гуляющих толпой,
глазел. Купил сардины, их залил
рассолом, спал и, все еще живой,
проснулся, вдохновенно джем варил...

Жил дальше. Ближе к вечеру, как было
намечено, умыл душистым мылом
лицо и, галстук не забыв надеть,
поехал на премьеру – посмотреть,
что нового на сцене. Дребедень.
Запил траминером. Я жил весь день.

* * *

Вечерняя заря с небес светила.
Прогулку завершив, я подходил,
влекомый непреодолимой силой,
к корчме (я часто жертва темных сил), –
а очутился в церкви небогатой,
обескуражен, с тяжестью в ногах:
там за органом деревенский Бах
жал на педаль – и ширилась токката.

Она росла, как дивный пышный цвет,
как роза на куртине благодатной,
грозя мне, как растение-людоед,

накидываясь чудищем косматым,
чтобы сожрать и выплюнуть ошметки
все в тот же сумрак безмятежно-кроткий.

* * *

Вот если б я во цвете лет почил!..
Вновь зрело б в погребке вино, и ветер
под плачущими звездами под вечер
по скверам листья желтые кружил.

Давно могила поросла б травой,
и метрики поблекшие чернила
(рожденье, смерть – две записи унылых) –
звучали б поэтической строфой.

И та, что девочкой меня любила,
с полуулыбкой в грезы погружаясь,
мешала бы некрепкий чай, дивясь,
что сны с годами ярче, теребила
седую прядь артритною рукой
и сетовала: «Был бы он живой!..»

* * *

Повеяло в окно, журнал раскрыло,
и я, казалось, фразу прочитал:
«Уж мертвый – мертвую – ее любил он...»
Но тщетно я впоследствии искал
строку, что огорошила меня:
продравшись через приторное чтиво,
потратил драгоценные полдня, –
и вот себе внушаю незлобиво,
что память рада отыскать вовне
тот образ, что гнездится лишь во мне,
что это – прах, ничто, останки бранны
любвей – всех и той, что незабвенна.

Что было, то прошло – о чем жалеть?
Так думая, успел я протрезветь.

* * *

Весь день проездив, к вечеру домой
добрался я усталый: всю дорогу
казалось мне – отец сидит со мной...
Он, как живой, меня за локоть трогал,

болтал и ждал моих ответных слов,
шутил, смеялся, я ж в ответ – ни слова,
смотрел вперед, серьезен и суров,
кичась блестящим ситроеном новым.

Смеркается. Галдят шальные птицы,
сдуваемые ветром на зимовье.
Есть у меня в заначке сливовица –
пусть я один не пью, но долг сыновний
мне за тебя, отец, велит испить
хоть чарку – и немедля повторить!

* * *

Я часто вспоминаю эпизод:
Мне сверстница, хоть все еще красива,
с ребенком, мальчиком, неторопливо
навстречу мне по улице идет,
а взгляд исполнен затаенной боли
(ей скрыть ее не доставало сил –
так смотрит раб, не свыкшийся с неволей).
Стояла осень, дождик моросил,
она уже из виду исчезала,
а в воздухе висел бестактным словом
след неутешных глаз, и ветер снова
трепал тот взгляд с застывшею тоской.

Но жалость постепенно затихала,
как будто обрастая скорлупой.

* * *

Жара, уселись бабоньки в тенек,
задрали юбки, ноги заголяя,
ломают хлеб, по кругу бутылек
пустили, мелют вздор не умолкая.

Меня стесняться? Мал еще, поди...
Но их бесстыжей бледной наготой
сражен, я от волнения сам не свой:
бушует кровь, шумит в висках, в груди.

Уже не вызовут той давней дрожи
ни дерзкий сон, ни сладкие мечты,
и в зыбкий обморок не ввергнет кожа
той, что со мной привычно делит ложе;
лишь близость гулкой смертной пустоты
знакомым чувством грудь на миг встревожит...

* * *

За крупом бронзовой скульптуры конной,
где площадь упирается в тупик,
под вывеской неброской, невелик,
стоит трактир; напротив – лик мадонны.

Она глядит прямехонько на дверь,
как будто караулит терпеливо
Иосифа, забредшего на пиво
и загулявшего в кругу друзей,
забыв о доме, о жене и сыне,
что так знакомо каждому из нас:
сидишь, об кружку кружка звонко бьется,
и спор кипит, и песня раздается...

Вот и сегодня нет такой причины,
чтоб не прийти сюда в урочный час!

Переводы Жанны Гилевой

